

Ольга
Гренец

Задержи дыхание

И ДРУГИЕ
РАССКАЗЫ

О времена!

Ольга Гронец

**Задержи дыхание
и другие рассказы**

«ВЕБКНИГА»

2021

Гренец О.

Задержи дыхание и другие рассказы / О. Гренец —
«ВЕБКНИГА», 2021 — (О времена!)

ISBN 978-5-96-912207-9

В новую книгу Ольга Гренец включила рассказы, которые публиковались в американских и русских журналах последние три года. Фокус рассказов переносит читателя из Сан-Франциско в Санкт-Петербург и обратно, но на каком бы полушарии персонажи книги ни находились, они органически вписаны в окружающие их реалии современного мира. Сами же истории: про семейные отношения и воспитание детей, поиски своего места и гендерной идентичности, верность воспоминаниям юности и служение делу, — рассказаны с юмором и редким талантом, присущим Гренец, — легко, в одно касание, проникнуть в тему и всегда с неожиданного, порой фантастического ракурса. Многие рассказы до мелочей реалистичны, и всё же читателя не оставляет ощущение, что они, подобно притчам, универсальны и вечны. Будь то полностью развёрнутая история или идея из одного абзаца, тексты этого сборника заставят читателя задуматься, заново пережить и переосмыслить свой личный опыт.

ISBN 978-5-96-912207-9

© Гренец О., 2021
© ВЕБКНИГА, 2021

Содержание

Благодарность	8
Посвящение	9
Rubicon	10
Приглашение в докторантуру	13
На левом боку	14
Привет	15
Как вода	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Гронец

Задержи дыхание

Ольга
Гренец

Задержи дыхание

И ДРУГИЕ
РАССКАЗЫ

Художественное электронное издание

Художник
Валерий Калныныш

© Гренец О. Л., 2021
© «Время», 2021

* * *

Благодарность

Я глубоко признательна Марии Платовой и Елене Лидовской за помощь в подготовке к изданию этой книги.

Огромное спасибо Марианне Таймановой за блистательную работу по редактированию.

Моя сердечная благодарность Сергею Князеву, Алле Степановой, Галине Соловьёвой, Светлане Ивановой и Борису Останину за их бесценные рекомендации и вдумчивые правки.

Посвящение

Я посвящаю эту книгу моей семье, в первую очередь мужу Дейву и нашим детям, моим родителям Марии и Леониду Зильбербургам, моему брату Константину и моей любимой тётушке Майе Овсянниковой. Я росла, слушая их захватывающие воображение истории. Они выдали мне карт-бланш на пересказ этих историй по-своему, но я не воспринимаю их слова слишком буквально. При создании художественной прозы требуется соблюсти тонкий баланс разнообразных составляющих, и если мне удаётся передать многосложность мира с определённой степенью объёмности, то это – благодаря им, которые постоянно учат меня тому, что моя точка зрения – лишь одна из многих.

Rubicon

Слишком рано и бесповоротно пришла весна в этом году, пришла и сместила все границы реальности. На улице январь и солнце, в Сан-Франциско время за полдень. Я иду забирать сына из садика – вот только перейду улицу и пересеку небольшой, изнывающий от жажды сквер на вершине холма.

Неожиданно, сияя красной эмалью, из потока машин вырывается джип, он резко поворачивает влево и тормозит на пешеходном переходе прямо передо мной. По переднему крылу джипа большими серебряными буквами надпись: Rubicon, а за рулём парень, с которым я дружила в России ещё в девяностые, – тот самый, семнадцатилетний, сидит за рулём сейчас, в две тысячи восемнадцатом! Тот же непослушный чуб каштановых волос надо лбом. На рукаве толстого пуховика тает снег. Он наклоняется и через открытое окно протягивает мне кассету TDK – точь-в-точь такую, какими мы обменивались, когда были старшекласниками.

Не даёт себе труда даже бросить: «Эй ты, чего скучаешь?», или «Скажи, крутая тачка?!», или «Надо же, где встретились!» Ничего такого. Ни кивка, ни улыбки – совершенно непроницаемое лицо. Как будто мы с ним ещё в школе и он боится, что его дружки нас вот-вот засекут. Вот ужас! Болтает с девчонкой среди бела дня. И не просто с девчонкой, а с этой воображалой, чьи мысли витают не то в книгах, не то в облаках. Ещё немного, и он станет носить за ней рюкзак и покупать ей мороженое – «возвышенным душам» ничего не стоит превратить мужчину в тряпку.

Я тоже молчу, не в силах вымолвить ни слова. Внезапный сдвиг в пространстве-времени лишил меня дара речи – а впрочем, так бывало всегда, когда он приближался ко мне. И в сорок лет я не мудрее, чем в семнадцать. Как в юности, перехватило дыхание, и я не могу издать ни звука, а стоило бы сделать ему втык за то, что перегородил своим мастодонтом весь переход.

Он едва заметно кивает, жмёт на газ и исчезает, а я остаюсь на тротуаре в облаке выхлопных газов.

С кассетой в руках, ошеломлённая, я добредаю до сквера. Солнце палит нещадно, но, когда я поднимаю глаза, небо кажется ослепительно чёрным. Настоящая калифорнийка никогда не оставит дома тёмных очков, а я вышла на яркий свет безоружной, теперь мне ничего, кроме очертаний предметов, не разглядеть. И только запах травы, которая без влаги чахнет быстрее, чем успевает подрасти, да тяжёлый аромат дикой алычи, цветущей в этом году необычайно рано, да пыльные эвкалипты, с которых облезает кора. Всё жаждет воды.

А вот и садик, и отчего-то я знаю, что меня ждёт не четырёхлетний чумазый малыш с кудряшками, а взрослый мужчина, наставник – встречает, чтобы помочь мне добраться до дома.

Когда я была маленькая и мы жили с родителями-инженерами и старшим братом в одной комнате, я слышала, как они обсуждают странную теорию: будто бы прошлое, настоящее и будущее сосуществуют одновременно в разных частях многомерной Вселенной. Помню, как я лежала на своей зелёной кушетке, напрасно стараясь заснуть; да и как тут заснёшь, если неотвязно мерещится, что я не девочка, а старуха, живу за соседней дверью и никто меня не узнаёт. Трясаясь от страха, я перелезала к родителям в постель, чтобы немного успокоиться.

С той поры я часто размышляла об этой теории, пытаясь представить, на что похожи парадоксы квантовой физики в обыденной жизни. Вот уж не ожидала, что они неожиданно настигнут меня одним на редкость тёплым и полным воспоминаний январским днём. Я задыхалась от волнения, когда чуть не бегом взбиралась на вершину холма: поскорей бы увидеть сына.

Он ждал меня в игровой комнате, и ему по-прежнему было четыре; он взял меня за руку, вывел на улицу и спросил: «Как ты провела сегодня день, мама?» По тому, как это звучало,

ему вполне могло быть и тридцать. «Я хочу есть, – сказал сын. – Сегодня на обед была рыба, а я рыбу не люблю. Я её выбросил».

Мы добрались до дома, я накормила его ужином и приготовила ванну. Улучив момент, когда он наконец напрыгается на подушках и набегается кругами, воображая себя самолётом, я уложила сына в постель и гладила его по спинке, пока он не заснул. Муж задержался на конференции и вернулся поздно. Вывалил на стол очередной улов ручек и тряпичных сумок и скрылся в спальне. Не дождавшись меня, он снова появился в дверном проёме.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Сейчас, сейчас, дай мне пару минут.

Всё было тихо, я порылась в шкафу в прихожей и вскоре выкопала свой древний Walkman. Конечно же, без батареек, но в доме всегда имелся запас для говорящих книжек и радиоуправляемых машинок сына. Я вставила кассету в плеер и, чувствуя потребность вырваться из декораций взрослой жизни, вышла на улицу.

Жара почти не спала, по-прежнему было душно. Неподальёку от нашей двери роняло золотые листья дерево гинкго. Я убеждала себя, что ничего особенного не происходит – это Сан-Франциско, здесь всё безостановочно цветёт и опадает без внятных для меня, северянки, смен времён года. Я живу здесь много лет, но, как и прежде, ощущаю себя чужестранкой.

Нашупав «play», я замерла – собиралась с духом, прежде чем нажать на кнопку.

До этой кассеты были и другие. Он познакомил меня с The Doors и Nirvana, а я записывала ему композиции из ранних альбомов The Beatles. Конечно, мне хотелось включить туда Eight Days a Week и Love Me Do, но я стеснялась, боялась выдать себя и выбирала более замысловатые сочинения наподобие Baby's In Black и Norwegian Wood. Хорошо помню, что последняя кассета от него была с хитами шведской группы Army of Lovers. После нескольких мелодичных вещей шёл странный трек, он смутил меня своей невнятицей, но вдруг пазл сложился, и я поняла, что это имитация полового акта в групповом исполнении. Я слушала, задыхаясь от волнения и ужаса. Ведь если наше общение по большей части заключалось в обмене музыкальными подборками, в таком случае что означала эта? Кончай строить из себя недотрогу? Расслабься и получи удовольствие? Ну и, разумеется, он проверял, разозлюсь я или нет. Я посчитала, что ему надо слишком много и слишком быстро. Полдня проплакала, но в конечном итоге сказать мне ему было нечего.

Ну что ж, наверное, хуже того трека ничего быть не может. Я нажала на «play». Плёнка крутилась, но из плеера, кроме фоновых потрескиваний, не доносилось ни звука. Это продолжалось так долго, что я решила: мне всё равно, что там записано. Пусть что угодно, лишь бы что-нибудь.

Прислушиваясь к белому шуму, я вспоминала всё, что мне известно о взрослой жизни бывшего юноши. Во времена нашей одержимости магнитофонными записями он собирался стать врачом и после школы поступил в медицинский. Я уехала учиться в Штаты, а когда вернулась навестить родителей, всё здесь приняло совсем иной оборот. Мой друг увлёкся шальными заработками: финансовые пирамиды, махинации с недвижимостью. Казалось нелепицей, но его нешуточно занимало, на какой машине я езжу в Америке. В другой раз, два года спустя, когда мы встретились, он уже ездил на автомобиле с водителем, который по совместительству был охранником. Я спросила, зачем ему телохранитель, и он, просяив, ответил: «Именно так выглядит успех, детка!» Отвёл меня в дорожный ресторан на крыше какого-то дворца и, сидя напротив, безостановочно кидал взгляды по сторонам. Еду подали на инкрустированной золотом посуде. Пощёлкав ногтем по тарелке, он поднял ко мне по-детски восхищённое лицо: «А ведь у вас в Америке нет таких ресторанов, ну, скажи?» «Кем ты работаешь?» – спросила я, но вместо ответа он стал дурить мне голову рассказами о прыжках с парашютом и о сноуборде. Тогда я видела его в последний раз. В следующие приезды предпочитала не попадаться на экраны его радаров.

Музыка возникла внезапно, без всякого перехода, и совсем не та, которой я боялась. Роскошные волнующие звуки; я с первых тактов узнала её и не могла дожждаться слов. I see trees of green... red roses too... I see them bloom... for me and you... Луи Армстронг пел What a Wonderful World – песню, записанную для меня семнадцатилетним юношей. Я разрыдалась, я так всхлипывала, что едва слышала музыку.

Прислонясь к гинкго в нескольких шагах от своего дома и пытаясь унять слёзы, я приготовилась увидеть окружающее глазами автора песни и огляделась.

Передо мной возвышались руины нашего дома. Вся улица, казалось, обрушилась целиком в результате неведомого землетрясения будущего. Закрыв глаза, я сделала несколько глубоких вдохов и задержала дыхание. Я убеждала себя, что это абсурд, обычная тревожность, которая не отпускает меня с тех пор, как я переехала в Сан-Франциско. Но нет – бедствия будущего и в самом деле живут где-то неподалёку от нас, быть может, в другом измерении, кассета в моём Walkman – неопровержимое тому доказательство, и нужно иметь железное сердце, чтобы пережить эту идею параллельных миров.

I see friends shaking hands saying how do you do... Я дослушала песню до конца и ждала, что будет дальше, но оставшаяся часть плёнки оказалась пустой. Я перематывала её короткими очередями. На этой стороне больше ничего не было, на обратной тоже. I hear babies cry... I watch them grow... They'll learn much more... than I'll never know... – таяли в воздухе слова, смысл которых ускользал от меня. Перед мальчиком, которого я знала семнадцатилетним, мир предстал в такой красоте, что ему захотелось поделиться со мной своим открытием, – казалось бы, надо радоваться. Но нет, у меня не получалось. Слишком много горечи накопилось с тех пор, и не могла я забыть, каким он стал, повзрослев. Таких, как он, не беспокоит, как много горя приносят в мир их деньги. Так вот как они себя оправдывают: безумствуют на своих тачках, едят с золотых тарелок рыбу, которой грозит полное исчезновение, и внушают себе, что мир прекрасен и удивителен! А на мой взгляд, этой кассетой он невольно признавался в своей вине.

Дома было тихо. В прихожей всё так же витал мускусный запах духов пожилой дамы, у которой мы с мужем когда-то покупали квартиру. Я заглянула к сыну: ему было по-прежнему четыре и он спал, прижав к себе пожарную машинку. В спальне я разделась и устроилась рядом с мужем. А где-то там мой юный друг – по-прежнему юный – записывал для меня кассету, забыв про домашнее задание. А где-то там я, всё ещё семнадцатилетняя девчонка, лежала на зелёной жёсткой кушетке, залитой лунным светом, боясь заснуть от страха, что завтра не наступит, а я и все-все, кого я так люблю, исчезнут и превратятся в пыль.

Приглашение в докторантуру

На английском отделении стояла дикая вонь. Начинался первый день после весенних каникул, а Соня и так затянула с проверкой сочинений. Она села в читальном зале для преподавателей – пусть коллеги видят, как усердно она работает, – и вытащила зелёную ручку. Ах, какие замечательные, точно сформулированные меткие комментарии могла бы она написать! Но сочинения были ужасные. Один восемнадцатилетний парень утверждал, что, если люди не верят в Бога, они навлекают на себя несчастья и потом страдают всю жизнь. Другой доказывал, что школьницы для своей же пользы и даже вопреки своим желаниям должны не наряжаться, а носить школьную форму, это убережёт их от изнасилования. Третий пространно – без единой ссылки или цитаты – рассуждал о том, что современным телесериалам не хватает образов сильных мужчин. Соня подняла голову. Читальный зал опустел.

К концу дня выход из корпуса гуманитарных наук перекрыл грузовой фургон с надписью: «Биологически опасные вещества». Соня отправилась домой пить вино и читать электронную почту; там скапливались письма с отказами из разных университетов, куда она подавала заявления на программу PhD¹, и теперь во входящих Соню наверняка ждала очередная порция. Если к её магистерскому диплому добавится учёба в докторантуре, то через шесть лет ей придётся, скорее всего, засесть за ту же работу и рецензировать такие же сочинения. С той только разницей, что в этом случае она сможет претендовать на постоянную должность в штате университета, а вот тогда уж этим рецензиям и проверкам не будет конца до скончания времён. Возможно, отказы должны были послужить ей видимым сигналом, намёком, что с преподаванием пора распрощаться. Когда-то она занималась маркетинговыми исследованиями. Вернись Соня к прежней профессии, её доход мог спокойно увеличиться раза в четыре, а с ним в её жизнь вернулись бы выходные и свободные вечера. Красота.

Она открыла почту. Там лежало письмо с приглашением на кафедру сравнительного литературоведения. Полное финансирование в течение двух лет. Провинциальный город, известный своими метелями, на другом конце страны. Звёздные преподаватели. Небольшая программа, в которой приветствуется межкафедетское сотрудничество. Возможность запросить дополнительные средства, чтобы учиться за границей. Нас впечатлила ваша манера изложения, и мы искренне надеемся увидеть вас у себя.

В ящике Соню ждало ещё несколько писем. Последним открылось послание от президента её нынешнего университета, где Соня преподавала на временной основе. С прискорбием он сообщал уважаемым студентам, преподавателям и сотрудникам кампуса, что одна из сотрудниц была найдена мёртвой у себя в кабинете в здании факультета гуманитарных наук. Дебора Полк... на шестьдесят втором году жизни... способствовала успеху университета в течение последних девятнадцати лет... Начальник университетской полиции заявил, что смерть наступила в силу естественных причин. Близких родственников у Деборы нет. Ассоциация «Жизненный путь», осуществляющая программу поддержки работников университета, готова оказать первичную психологическую помощь сотрудникам, в том числе и временным. В конце письма указывался номер для бесплатных консультаций по телефону.

Весенние каникулы, догадалась Соня. Тело Деборы оставалось за закрытой дверью и медленно разлагалось, пока все отдыхали. Ни студенты, ни уборщики, ни коллеги-преподаватели всё это время не подходили к двери её кабинета. Ни одна живая душа.

Соня взяла бутылку и наполнила бокал. В конце концов, смерть Деборы Полк была смертью Деборы Полк, стоит ли делать из этого трагедию? Многие умерли за любимым делом. А Сониная жизнь – это Сониная жизнь. У них с Деборой Полк было мало общего.

¹ Программа PhD соответствует российской докторантуре. – *Здесь и далее примеч. автора.*

На левом боку

В первые месяцы беременности она приучала себя засыпать на левом боку. Ночь напролёт старалась улечься поудобнее; пыталась заснуть, мысленно представляя себе картину завтрака. На что тянет больше: на гречку из русского магазина с молоком и отварной говяжьей сосиской или омлет по-американски – с беконом, сыром и ветчиной? Постоянно хотелось есть, причём исключительно жирное и мясное. Местные врачи не рекомендовали слишком быстро набирать вес. Ради ребёнка нужно есть овощи. Овощи.

В детстве, когда вместо кровати у неё была узенькая кушетка, её учили засыпать на правом боку, на левом дедушка и обе бабушки, все трое сердечники, не советовали, чтобы не давить всем телом на сердце. Сейчас, по рекомендации Американской ассоциации беременности, она лежала на «неправильном» левом и тревожилась о завтраке. Пририсовала к воображаемой картинке ломтик помидора. Опрометчиво. Рот сразу наполнился горечью. Родится мальчик, думала она, темноволосый мальчик – весь в дедушку. В припадках гнева он будет хватать тарелки и швырять их на пол, обвиняя её во всех несчастьях этого мира.

Привет

Известие о том, что соседский сын покончил с собой, совпало с волной самоубийств среди знаменитостей. Не было никаких оснований связывать эти события, но именно так все и делали. «Тайсон, должно быть, прочитал о поваре и об этом дизайнере, – сказал мне один из соседей. – Возможно, он объяснил что-то в записке».

Тайсону было двадцать два. Он всегда говорил: «Привет», когда мы сталкивались в коридоре. Контора, в которой я до недавнего времени работала, закрылась, и я сижу дома, рассылаю резюме. Тягостно проводить весь день взаперти в крохотной квартирке – вот и брожу по длинному общему коридору, баюкаю свой стресс. Тайсон при встрече всегда кивал. Однажды я видела, как он гладит по спинке соседского щенка. А этот щенок всех жильцов ненавидит, кусает нас за щиколотки.

На другой день после новости о Тайсоне встречаю в Safeway² женщину с ребёнком. Мать примерно моего возраста, а сыну на вид лет десять-одиннадцать. Высокий белокурый мальчик, и кажется таким покладистым и мягким, словно буханка белого хлеба. Они расплачиваются передо мной, женщина суёт сыну кредитную карту.

– Вставь и подожди, – говорит она ему по-английски, а по произношению слышно, что русская.

Сын не ждёт. Вытаскивает карту слишком рано, и платёж не проходит. Опять пробует и опять вытаскивает карту слишком рано. Мать шлёпает его по затылку; в русском языке есть специальное слово для такого вида физического насилия, и это не считается побоями.

Мальчик одет в чистые вельветовые брюки и рубашку, а на матери худи поверх грязной пижамы, которую она, похоже, месяц уже не снимала. Серая бумазая, сильно вылинявшая в паху, волосы до плеч, жирные сверху и взлохмаченные к кончикам, свисают красно-коричневыми патлами и, похоже, не мыты несколько недель. Щёки по виду напоминают детские пятки, такая красная и блестящая на них кожа. И она пытается изо всех сил запихнуть один бумажный пакет в другой.

Сын снова порывается пустить в ход карту и снова неудачно. Отворачивается от кассы и безучастным взглядом таращится в потолок.

– Простите, – говорит мать кассиру. – От него мало толку.

Она вырывает карточку из рук сына и подталкивает его к прилавку с бакалеей.

– Держи, – говорит мать, переходя на русский, и суёт ему сумку. В её действиях чудится что-то лихорадочное, хотя вряд ли за ними кто-то гонится. Полдень. Кассир приветливо улыбается, очереди за мной нет. Сын продолжает изучать пространство. Мать хватает его за руку и тащит вон из магазина.

У меня в корзине молоко, хлопья, яблоки и две бутылки виски, мне достаточно минуты, чтобы расплатиться, и, выйдя из магазина, я думаю, что, если догоню их, заговорю с ними по-русски. Я знаю, что от этого мало толку. Ну просто хотя бы сказать: «Привет».

Нас с мужем и дочкой позвали на похороны. Муж на работе, дочка учится, я решила, отвлекусь-ка сегодня от поисков работы. До того я ещё никогда не бывала на американских похоронах – за всю жизнь вообще всего два раза была. И многое показалось мне там непонятным, но самым странным было то, что мать Тайсона вынула из сумочки какую-то штуку, похожую на солонку, и стала трясти ею над могилой. Незнакомая мне традиция, я и представить не могу, что она означает. Не знаю, общепринятый или чисто личный ритуал исполняла мать, и тем более не уверена, что она рассыпала на могиле именно соль. В русской культуре важных гостей встречают подношением хлеба и соли, даже существует такое выражение «хлеб-соль»,

² Сетевой американский супермаркет.

означающее гостеприимство. Но чем больше я думала, тем уместнее и этот ритуал мне казался. Как будто она заботилась, чтобы Тайсон всегда был обеспечен всеми благами, и посылала в его загробную жизнь такой вот привет.

Вместе со всеми я вернулась обратно в наш многоквартирный дом, на скромные поминки. Я думала о Тайсоне, о той семье в Safeway и о своей дочке, которая покрасила волосы в розовый цвет и перестала со мной разговаривать по дороге из школы домой, как бывало. Хозяин щенка тоже пришёл и всё время держал щенка на руках: то ли защищал его от нас, то ли искал в нём утешение, а может, и то и другое. Я выставила на стол в качестве своего вклада непечатую бутылку виски. Конечно, эмигрантскую болезнь не вылечишь алкоголем, но я не оставляю попыток. Плеснула себе и машинально отправилась на кухню, нашла солонку, высыпала немного соли себе в стакан. Получилось как соль на рану. Но нельзя же, чтобы всё это прошло совсем незаметно.

Как вода

Мне почти сорок два, у меня счастливый брак. Двое детей. Мы живём в университетском городке в Южной Калифорнии, у мужа в местном университете постоянное место профессора на кафедре метеорологии, я работаю ассистентом на кафедре иностранных языков и литературы. Преподаю русскую литературу в контексте мировой культуры. И хотя я уехала из Советского Союза почти тридцать лет назад, мои корни по-прежнему значат для меня очень много. Когда меня спрашивают, откуда я родом, с гордостью отвечаю – из Ленинграда.

Мне было пятнадцать, когда родители против моей воли увезли меня в Нью-Йорк. Это «против воли» приводит в замешательство большинство моих американских друзей. Они просят растолковать. Но как? Ведь каждый вкладывает в воспоминания о доме что-то своё. Я делаю попытку поделиться своими единственным доступным мне способом – рассказываю истории.

Представьте, что вы сидите на галёрке в театре; задолго до вашего появления на свет он был настоящим дворцом, но сейчас половина кресел разваливается, штукатурка облупилась, на балконных балюстрадах зияют дыры от вывалившихся балясин, а когда действие начинается, занавес застревает. Выходит рабочий в синем комбинезоне, дёргает его и открывает сцену. Вам пятнадцать, слева от вас сидит подруга, с которой вы знакомы с десяти лет, справа другая – с ней вы дружите с шести. Поход в оперу – школьное мероприятие. На сцене сопрано признаётся в любви к баритону. Она в своей комнате, сконструированной по самым что ни на есть подлинным эскизам XIX века, только без четвёртой стены. Она пишет ему письмо, где описывает свою страсть, она мечется, не в силах понять, что уготовила ей судьба: благословение или проклятие. Она сознаёт, что, открывая сердце, преступает все границы приличий, и умоляет отнестись к её исповеди с пониманием. Вы прекрасно знаете, что кончится всё это плачевно, и всё же на мгновение музыка захватывает вас и наполняет надеждой.

В полном отчаянии она бросает перо на стол – и... стол падает. Вся спальня с треском и шиком медленно рушится на сцену – чудом не на певицу. Пыль столбом! Сопрано невозможно продолжает петь, признаваясь баритону, как бесконечно она ему доверяет.

На галёрке ваша подруга слева заходится от смеха, да так, что кресло под ней подкашивается и она грохается вместе с ним на пол – снова шум и новый взрыв смеха. Какая катастрофа! Какая удача! Опера уже настолько мертва, что буквально разваливается на части. И в тот же миг она превращается в сказочную фантасмагорию формального искусства, ибо голос сопрано, изо всех сил пытаясь передать нечто невыразимо важное этим сгрудившимся в темноте варварам-подросткам, воспаряет над руинами.

И представьте, даже тогда, в пятнадцать, я хорошо понимала, что радость, которую мы испытывали с подругами, была оборотной стороной кошмара, рождённого из зрелища деградации и распада. Звезда взрывается, империя рушится, огненный шар прожигает небо. Наблюдать такое событие – удача, которая может выпасть раз в жизни. Правда, она может обернуться пламенем, жаждущим пожрать всё, что тебя окружает, и навсегда опалить сердце. Шёл девятый год. Забыть такое невозможно, предсказать, чем обернётся будущее, было нельзя.

###

Сегодня 9 июня 2017 года. Несколько дней назад по социальным сетям разошёлся мем, где люди вспоминали самые смешные эпизоды своей жизни, и я рассказала об этом ленинградском спектакле – хотела описать только комическую сторону, но для американских друзей, не знакомых ни с Пушкиным, ни с оперой, пришлось изобразить всю сцену в подробностях.

Многие мои коллеги любят ругать социальные сети, я же охотно пользуюсь ими, чтобы поддерживать связь со старыми друзьями. Особенно актуально это стало в последние годы, когда мы с мужем переехали с Восточного побережья в задыхающийся от машин калифорнийский городок и оказались в плену дорожных пробок.

Я с удовольствием отметила, что подруги, которые вместе со мной слушали тогда оперу, увидели мой пост и отозвались на него. Первой откликнулась Екатерина: «Удивительно, как я сама тогда осталась цела. Я так вцепилась в подлокотник, что занозила себе руку. Нам ещё повезло, что мы выбрались оттуда живьём». Катя – юрист, с годами она становится всё более нервной. Ей выпала трудная судьба: вскоре после университета она вышла замуж за нашего одноклассника, родила дочь, развелась и вышла замуж за другого одноклассника. От него у неё тоже дочь. Обеих зовут Евгениями – вероятно, она позволила мужьям самим выбирать имена. И ей это не кажется смешным. Скорее всего, тут нет никакой связи с Евгением Онегиным.

Таня, моя подруга с детсадовских времен, та, что на спектакле сидела от меня по правую руку, стала биологом и вышла замуж за коллегу из Норвегии. Работает микологом, живёт за полярным кругом, её дочери – она на год младше, чем моя старшая, – в этом году исполнится шестнадцать. Таня тоже ответила на мой пост. Её послание достигло меня, как письмо в бутылке, вынырнувшей из-под обломков нашего детства. Она написала: «Отлично помню тот день! Ты всю дорогу смешила меня. Уже не помню в точности, что тебя так развеселило, но я не могла оторваться, всё слушала открыв рот, как ты прикалываешься над спесивым Онегиным. Тогда-то я и влюбилась в тебя».

Я обомлела, когда до меня дошли её слова.

– Как это прикажешь понимать? – отстучала я.

Она ответила... часов через восемь... ох уж эта разница в часовых поясах.

– Так и понимай.

– А подробнее?

– Куда уж подробнее. Обсудим как-нибудь при встрече.

О чёрт, о чём она говорит? Намекнула и сразу на попятную – меня почему-то сильно смутили её слова.

Три дня я просидела перед компьютером, разбирая студенческие работы, просматривая социальные сети и пытаясь отвлечься среди историй малознакомых людей. Дети с мужем отправились в каньон на маленькое горное озеро и оставили в моём распоряжении если и не полностью свободный рассудок, то, по крайней мере, весь дом. Я исправила склонение у сотни русских прилагательных, отредактировала вид и спряжение у двух сотен глаголов и наконец-то узнала все последние сплетни о платоническом романе между Путиным и Трампом.

Неужели Таня намекает, думаю я, что испытывала ко мне физический интерес, что она желала меня душой и телом? И почему она призналась только сейчас и по такому случайному поводу? Скорее всего, она хотела сказать, что любит меня как друга. Это не новость. Конечно, я тоже люблю её. Мы подруги, мы дружили все эти годы и не раз, случалось, вспоминали детство, а растущие Катькины странности связывают нас ещё больше. Я до сих пор в шоке: зачем она назвала обеих дочерей Женями? Что за манера ставить на детях метку, лишний раз напоминая о непроработанных травмах матери.

Кажется, единственное, что мне остаётся, – это сидеть и наблюдать за естественным ходом событий. Надо полагать, Таня не вкладывала особого смысла в свои слова. Но чем дольше я думаю, тем больше деталей всплывает из прошлого: случайное прикосновение, взгляд, неожиданно нежное слово – их можно по-разному истолковать. В третьем или четвёртом классе мы с ней сочиняли историю про нас троих: Катя, Таня и я строим дом на далёком острове в Северном море и живём там, охотимся, ловим рыбу, собираем грибы-ягоды. Она рисовала карты острова, я проектировала дом. И я совсем не удивилась, когда Таня отправи-

лась в эту свою первую экспедицию в Арктику. Уверена, что ею безотчётно руководили наши старые фантазии.

Всё же звоню Тане по скайпу и, пока мой компьютер имитирует тональный набор, всматриваюсь в её снимок на аватарке: с возрастом она сильно похудела; в её профиле всегда было что-то птичье, а в последнее время черты лица ещё больше заострились, словно отчеканились. Она не отвечает. Занята? Не хочет разговаривать? И то и другое, решаю я и пробую представить, как я ласкаю её губы своими, прижимаюсь к свитеру, под которым чувствую тело, – такое часто можно увидеть здесь, в Калифорнии, – по-моему, ей это нравится, она лнёт ко мне.

Выключаю скайп, выключаю компьютер, иду в гостиную, включаю и выключаю телевизор. Полдень, на улицу не выйти – слишком жарко. Сейчас эта калифорнийская пустыня кажется особенно несуразным местом. И всё-таки это дом! Дети возвращаются домой сегодня вечером и ждут, что я буду расспрашивать об их приключениях.

Возможно ли, что Таня действительно намекала на любовь девушки к девушке. Не может быть.

Нет, точно, я сошла с ума. В сорок два впервые сподобилась представить, как могла сложиться моя жизнь, если бы в пятнадцать мне было известно, что женщинам не обязательно выходить замуж. Что они могут любить друг друга, жить вместе и вместе растить детей. Если бы знать, хотя бы понаслышке, что где-то есть женщина, открыто живущая с другой женщиной, – как это повлияло бы на меня? Или повстречать женщин, которые совместно воспитывают детей, или услышать, что хотя бы один человек, отзываясь о женщинах, которые любят женщин, вместо привычных «блажь», «извращенки», «какая мерзость» или просто «бедалаг» говорит что-то другое.

Память подсовывает полузабытый образ из девяностых – что-то, что я подглядела? навязчивая фантазия? обрывок фильма? – две девушки взвзас целуются в тёмном, плохо отапливаемом подъезде незнакомого дома. Слабея в коленках, опускаются на бетонную лестницу, вздрагивают всякий раз, когда слышится шум открываемой двери. Они ищут близости друг у друга как защиту от возможного вторжения, греют ледяные пальцы во впадинках груди друг у друга, находят соски, руками, губами пробиваются сквозь слои тёплой одежды к клиторам друг друга.

И что потом? Куда они пойдут из этого подъезда? они держатся за руки? они продолжают встречаться? Вообразить, как в то время должна была выглядеть лесбийская любовь, – всё равно что пытаться построить чёртову параллельную вселенную. Я знаю – с тех пор я много читала и слышала тьму историй о женщинах из разных социальных слоёв – я знаю, что некоторым девушкам это сошло с рук. Но до сих пор не понимаю, как у них хватило смелости.

###

Давным-давно, примерно в девяносто третьем году, жила-была пожилая пара, вслед за детьми и внуками эмигрировавшая из Советского Союза. Они обитали в маленькой квартире в Бронксе и страдали от множества недугов. У него было больное сердце и камни в почках, у неё изнурительный артрит и остеопороз. Медицинская страховка предполагала один профилактический осмотр в год. На плановую проверку они решили пойти вместе. Приём вела доктор, женщина среднего возраста, похожая на их дочь, и, беседуя через переводчика, супруги принялись жаловаться.

Докторша прервала их.

– Вот что вам следует делать, – сказала она. – Вы оба должны выпивать по два литра воды в день. Только ни в коем случае не газировку. Не сок. Не кофе и не чай. Вода, чистая и без газа.

– Но послушайте, – запротестовали они.

– Я постоянно сталкиваюсь с подобной проблемой среди своих пациентов-эмигрантов: если люди приехали из мест с плохой водой, они недостаточно пьют – особенно пожилые. Идите домой и пейте, пейте. Увидимся в следующем году.

Супруги посмотрели друг на друга и вздохнули. До них доходили слухи о качестве американского медобслуживания, но они не ожидали, что это будет настолько удручающе.

В следующем году они пошли к другому врачу. Молодой человек выглядел усталым, но, казалось, был расположен их выслушать. И кивал он вдумчиво. Пара закончила свою историю абсурдными советами, полученными от его предшественницы. Лицо молодого человека ожило.

– И вы последовали рекомендации моей коллеги? – спросил он.

– Да что вы! Она просто посмеялась над нами.

– Исследователи единодушны: большинство людей должно потреблять по меньшей мере два литра прозрачных жидкостей в день. Как минимум!

– Что значит прозрачные жидкости?

– Вода, сок. Лучше вода.

– А чай?

– Только не чай. Чай даёт противоположный эффект – это мочегонное.

– Мы можем попробовать пить чай с молоком.

– Вам нужна просто вода. Вы что, не пьёте воду?

– Мы всю жизнь пили чёрный чай. И у местной воды отвратительный вкус.

– Ну покупайте в бутылках. Она безвкусная.

– Спустить все деньги на воду? Вы с ума сошли!

– Хорошо, попробуйте выжать в воду немного лимонного сока. Добавьте кусочек огурца. Поэкспериментируйте. Поверьте, это принесёт вам пользу.

– Да, да. Прекрасно. Что ж, раз нам не получить нормального лечения, мы скорее отправимся на тот свет.

– Даже не знаю, что вам сказать. Видите ли, у вас сейчас нет никаких острых симптомов.

– Но доктор, они скоро появятся.

– Вот ваш рецепт. Видите? Я пишу: пить два литра воды o. d. – *Omni diem* – это значит ежедневно. Приходите через год, и мы обсудим, что ещё можно сделать.

У пожилой пары не было другого выхода. Возвращаясь домой рука об руку, они договорились, что попробуют следовать указаниям врача.

И вот что они сделали. Начали с одной кружки. После обычного вечернего чая жена выливала воду из чайника в большую кружку и ставила её посередине стола. Весь следующий день, пока они передвигались по квартире, готовили или ели, принимали таблетки, привезённые друзьями и родственниками из бывшего Советского Союза, читали газету или смотрели телевизор, короче, всё время – кружка неотрывно следила за ними. Время от времени один из них решался сделать глоток, тогда другой тоже делал глоток, в этом и состоял их договор. И так, понемногу, крепясь и подбадривая друг друга, к концу дня они допивали кружку до последней капли.

На следующий год они снова пришли к врачу. Он был молод, но хотя бы потрудился их выслушать.

– Мы делали то, что нам прописали, – сказали они. – Мы пили воду.

– И как?

– А как вы думаете? Это всего лишь вода.

– Опишите точно, что вы делали.

Они рассказали ему о кружке посреди стола и о том, сколько усилий им понадобилось, чтобы выпивать её до дна каждый день.

– Не понимаю, – сказал врач. – Мы живём в мире, который преимущественно создан из воды. Шестьдесят процентов человеческого тела состоит из воды. Наши клетки нуждаются в воде для работы. Как вы могли прожить такую долгую жизнь и не понять, что вода – главный компонент, необходимый людям?

Муж и жена посмотрели друг на друга. У обоих в глазах стояли слёзы.

– Вы говорите искренне, молодой человек, – сказали они доктору. – Мы ценим ваш энтузиазм. Возможно, вы правы. Но ваш совет нам не подходит. Вода не для нас. Мы пьём чай.

###

Так вот в чём дело?! Как и мои предки, я родилась в мире, созданном из воды. Здесь, в засушливой части Калифорнии, где у нас выпадает не больше двухсот пятидесяти миллиметров осадков в год, мне хорошо видно, как всё живое страдает без воды. Но я до сих пор не обращала на воду серьёзного внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.